

Утрата

Валерий
СДОБНЯКОВ

Нижний Новгород

ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРОЗДАНИИ

**На кончину нижегородского художника Н.П. Мидова
(23.10.1932-21.8.2022)**

На девяностом году жизни умер Н.П. Мидов – замечательный художник, график, живописец, необыкновенно светлой, ищущей, сопереживающей души человек. Не стало Николеньки – так называли его близкие друзья. Называли любовно. Да и невозможно было не любить этого человека.

Невысокого роста, седовласый, подстриженный по-русски «под горшок», с седой бородой, он говорил всегда спокойно, размеренно, раздумчиво тихим голосом, приближающимся к шепоту.

Как же я любил эти долгие беседы с Николаем Павловичем, в которых он мало рассказывал о себе, но осторожно, с долгими паузами как бы погружался в свою душу и порой произносил невероятно важные, значимые суждения. Такие, которые даются только свыше, после долгих и серьезных раздумий. Выстраданные и вымоленные ответы на самые судьбоносные для человека вопросы.

Мидову нравились люди размышляющие, а не празднословные.

С ним в его мастерской было хорошо и просто молчать. Так же, как и рассказывать о себе – как на исповеди.

Много потрудившись на своём веку, много переживший, он явно видел промысел Божий в своей жизни и жил с неотрывной памятью об этом.

Это был искренне и глубоко верующий человек. Сострадательный.

Мы близко познакомились в период выполнения им заказа – написания на холсте большой иконы с клеймами Серафима Саровского. Имея опыт росписи многих церквей, совместно с Гаиной Скотиной, Виктором Тырдановым, Евгением Юшковым – это работа была ему по сердцу. Холст стоял на мольберте и Мидов всё что-то доделывал, всё оставался недоволен своей работой. Это продолжалось до тех пор, пока сам заказчик не прервал сомнения художника и не забрал икону.

Но главным местом работы Николая Павловича был его стол, где он занимался графикой.

Уж не помню, по какому поводу я попросил художника показать папки со своими работами. Вернее всего – что-то искал для оформления книги или номера журнала. Мидов достал из стола и положил их передо мной. Я начал раскладывать листы – и ахнул. Это оказалась серия цветных офортов Нижнего Новгорода. Но не просто улиц города, его архитектуры... В современные пейзажи Николай Павлович вписал те церкви, соборы и часовни, которые в советское время были разрушены, но в его графике они как бы воскресали и занимали своё место на старых местах, давая нам возможность увидеть, как выглядели бы сейчас наши съезды, площади, переулки и проспекты.

Видя моё искреннее восхищение, Николай Павлович щедро одарил меня своими произведениями. Пока листы не были оформлены, то

какое-то время, убранные в специальную плотную цветную бумагу, пергнутую в виде папки, они лежали в моём редакционном кабинете, и каждый, кто их просматривал впервые, не мог скрыть своего восхищения работами Мидова.

Труда над графикой, рисунком Николай Павлович не оставлял до конца, хотя рука уже не слушалась в полной мере, подводила, тряслась.

Незадолго, когда недуг совсем одолел его, Мидов позвонил мне и попросил всё-таки сохранить его тетради, в которых наравне с рисунками, набросками содержалось много записей дневниковых размышлений. Устроить передачу их в областной архив. Для него это было важно – сохранить следы своих творческих и духовных поисков.

Я давно обещал это сделать. И вот, воспользовавшись услугой своего доброжелателя, он передал мне (как только мужчина это донёс) большую тяжёлую сумку, набитую до отказа блокнотами, самим Мидовым изготовленными записными книжками-альбомами, листами с отдельными автобиографическими записями.

Но на самом верху лежал искусно оформленный мой портрет, выполненный карандашом. Дрожащей рукой выведены отрывистые неровные линии изображения – всё словно в дымке давнего воспоминания, но, безусловно, узнаваемого. Этот дорогой для меня подарок я берегу. А рисунки из рабочих тетрадей с тех пор публикую в каждом новом номере журнала «Вертикаль. XXI век».

Но берегу я не только этот портрет, подаренные офорты, но и картину «Великий Враг. Предрасветное» с изображением старинного храма близ Нижнего Новгорода, в селе Великий Враг, в котором долгие годы служил глубоко почитаемый православными людьми батюшка Григорий Долбунов.

Церковь стоит на высоком берегу Волги у глубокого оврага. На холсте изображено, как восходящее солнце над рекой начинает освещать золотом голубые стены и купола церкви. Живописная манера выдаёт в авторе графика, но это не умаляет достоинств картины.

Когда в своей мастерской Николай Павлович дарил мне её, я спросил: – Неужели не жалко отдавать? – Конечно, жалко, – искренне признался художник, без всякого лукавства и напускного, как это зачастую бывает у других, безразличия. – Но – забирай! – подвёл итог своего ответа Мидов.

И в этом он весь.

Или как-то я ему звоню, спрашиваю, не сможет ли он заехать ко мне в Союз писателей.

– Нет, я должен поехать по своим надобностям.

Вскоре Николай Павлович перезвонил.

– Прости ты меня за мою ложь. Всё я вру и вру. Я ведь уже уехал из мастерской. И когда ты мне звонил, я был уже в дороге, в автобусе, но почему-то соврал. Прости. Всё я вру и вру, грешный.

Ну кто бы ещё так сделал, так покаялся? Только тот, чья душа не терпит фальши даже в малом. Потому и Богородица на его картине «Россия XXI век» (позже художник переименовал её на «Невидимая брань») так скорбно и сострадающе взирает на ещё озарённый русский город, с его кремлём и множеством соборов, потому что к стенам уже надвигается враждебная мгла. Потому его одинокий человек (картина «Летающий») – одинокий во всём звёздном мироздании, скрестив руки после причастия, устремлён в вечность, к Богу.

Мне кажется, я могу бесконечно вспоминать о Николае Павловиче – и моей душе хорошо в этих воспоминаниях.

Например, о том, как записывал беседу с ним. Положил включённый диктофон на стол, пока пили чай, и стал осторожно выпытывать у художника о его жизни. Когда, как обычно, расставались поздно, ближе к полуночи, признался в записи .

– Да я, наверно, наговорил всяких глупостей, – стал сокрушаться Мидов.

Пришлось уверить художника в обратном. Теперь это единственный сохранившийся рассказ о его биографии, опубликованный в журнале «Вертикаль. XXI век» и в моей книге «Память сердца». Да ещё на ресурсе Русская народная линия.

Или как-то вернулся я из поездки в Санкт-Петербург. Пришёл спустя время к Мидову. Хорошо говорили, попивая чай с мёдом. Стол у Николая Павловича всегда был хлебосольным.

После нескольких часов общения стал прощаться с хозяином.

– А в Питер-то зачем ездил? – спросил Мидов.

– Премию Александра Невского получал в Александро-Невской лавре.

– Так чего же ты молчал! – обрадовано воскликнул художник.

Усадив меня опять за стол, он быстро вышел в другую, рабочую, комнату и вернулся с припрятанной на всякий случай бутылкой вина. – Это же надо отметить. Такое событие!

– Ведь пост.

– Ничего, мы не гуляние устраиваем. Отметить такую радость непременно следует.

Мидов так был рад моему награждению, словно сам получил серебряную медаль с изображением иконы святого.

И опять мы просидели чуть не за полночь. Но, повторюсь, не праздновало.

Мидов жил, говорил, думал пред очами Божиими. Это его неотъемлемое ощущение себя в мире.

– Значит так Богу угодно.

Вот его ответ на все скорби и радости.

Последняя работа, которую Николай Павлович писал вместе с художником Г.А. Скотиной – это большая картина «Сотворение мира» (190х160 см). Они её создали по благословию батюшки Наума из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. К нему они ездили за духовным окормлением, у батюшки Наума разрешали свои сомнения и печали.

И разве не символично завершать свой земной путь, свои труды такой картиной.

Душа Николая Павловича Мидова была истинной христианкой. К Нему она и отошла – туда, куда так стремилась.

*24 августа 2022 г.
Нижний Новгород*

26 X. Flury

